

| Сосо ПАВЛИШВИЛИ

— Вы себя уютно чувствуете на нашей эстраде?

— Не могу сказать, что у меня есть достаточные основания для того, чтобы чувствовать себя худо: меня очень радует, что любая аудитория неизменно тепло меня принимает, за что я испытываю к людям огромную признательность... поэтому грешить против правды — и против Бога — не буду... Но, знаешь, есть какое-то внутреннее ощущение... дискомфорта, что ли. Есть, и тому причиной очень много чего...

— Можете ли вы сказать: есть у вас недоброжелатели?

— Естественно есть. Когда человек по-настоящему занят настоящим делом, наличие, скажем так, людей, более или менее тебе не симпатизирующих, неизбежно и даже благотворно — они заряжают и по-спортивному злят... Я знаю, есть много людей, которым не по душе то, что я делаю, но это ничего не значит, это значит как раз то, что это — нормально, в порядке вещей. Вот формы выражения этого недоброжелательства — это уже особый разговор. И если хочешь, можем об этом потолковать.

— На вас сильно действуют всякие такие прозрачно-тонкие намеки на мафиозность?

— Это очень неприятно. Очень. Но с другой стороны — допустимо ли связывать, скажем, с журналистом, после моей победы на "Парнасе" написавшим, что я — "богатый", тем самым объяснив факт первенства тугой мошной? Опускаться до уровня базарных разборок, что неизбежно при общем сегодня уровне культуры? Привлечь к суду автора, равно и иных любителей фабrikовать напраслины? Но мне жалко времья на это расхаживать, жалко... А с другой стороны, доколе можно терпеть?

Мне случалось с несколькими такими сочинителями встречаться постфактум. Ты не поверишь: ответом на мое, аккуратно говоря, недоумение были квадратные глаза и уже ответное изумление: как, дескать, вы еще и недовольны?! Это ж паблсити, это ж реклама, на Западе за такое еще и в ножки бухаются... Вот так. Это самый убийственный довод — насчет Запада. Самый несурзанный.

— Значит, и барыши, от которых дух перехватывает, и мафиозные патроны — это все блеф?

— При чем самый низкопробный. Впрочем, влиятельные друзья у меня есть, я подчеркиваю — друзья, и я горжусь этим, и не вижу в этом ничего предосудительного. Я тебе абсолютно честно скажу: никогда ни к кому на поклон я не ходил, ничего не просил... Как после этого относиться к этой возне?

— Вы начинали с песни, которую скоро и праведно возвели в ранг второго гимна Грузии; она же принесла вам и оба гран-при — в Юрмале и на "Ступени к Парнасу". Не огорчает вас, что сегодня, когда уже раскручена целая обойма сугубо лирических песен, вас по-прежнему воспринимают в первую очередь как певца гражданской тематики?

— Но ведь это все не регулируется, я имею в виду процесс создания песен! Я делаю то, что велит мне душа; когда я писал "Самшобло", я был весь в этом, я жил этим и дышал этим!

Но по чести говоря, я более — лирик, нежели, скажем, трибун.

И я думаю, что вопрос, не обижайся, сформулирован немножко неверно, ибо все как раз наоборот: именно как человек, сочиняющий о сокровенном, я интересен людям, именно за это меня привлекают.

— Вы в общении какой человек?

— Я человек открытый, даже распахнутый, если можно так выразиться. Но если есть необходимость, умею быть другим. К сожалению, в последнее время такая необходимость участилась: нравы...

— А друзья среди столичных артистов у вас есть?

— Друзей — нет, но почти со всеми у меня очень нормальные, очень ровные отношения, чем горжусь.

— Хит-парады вас интересуют? Вы покамест, извините, в них не частый гость, так скажем.

— У меня к ним осторожное отношение. Я достаточно опытен, чтобы знать... кухню всего этого. Но ради любопытства иногда просматриваю все эти рейтинги.

— Сосо, скажите, пожалуйста, провалы у вас случались?

— Ни разу. Концерт мог пройти более или менее удачно, но провала не было никогда. Если ты работаешь, честный, добросовестный работаешь, если ты вкладываешь душу в то, что делаешь, если ты искренний при этом, — проблем не будет и не надо будет кивать на "плохого зрителя", что я считаю нелепым, потому что убежден: дело только в самом артисте, только в нем.

— Как домашние относятся к вашей в основном "заграничной" жизни?

— Семья моя — в Тбилиси, я обожаю этих людей: родителей, жену, сына, это самые дорогие мне люди. И все, что я делаю, я делаю для их блага. И я счастлив, потому что они понимают это.

Два слова под занавес.

... Так и живут: "с улыбкой дерзкой да с проглоченной слезой".

Но вы не должны об этом знать,

вы должны веселиться.

Потому что вы так же живете.

Моем. при вхо. -1993- 4 *хид с. 4.* Отар КУШАНАШВИЛИ.

